
К ПРОБЛЕМЕ ДОМИНАНТ И ДЕТЕРМИНАНТ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

ВАРДГЕС ПОГОСЯН

Дело не в дорогах, которые мы выбираем, а в том,
что внутри нас заставляет выбирать наши дороги.

Уильям Сидни Портер (О. Генри)

Опыт изучения всемирной социальной истории позволяет выявить примеры успешных диффузионных межцивилизационных заимствований и ускоренных мобилизационно-модернизационных преобразований, позволивших конкретным обществам в кратчайшие сроки повысить свою жизнеспособность, противостоять рискам и вызовам эндогенного и экзогенного характера. Однако проблемность построения в течение 25 лет задекларированных постсоветскими реформаторами либерально-демократических обществ, функционирующих на рыночных основаниях, не только позволяет констатировать несоответствие теоретико-методологических принципов проводимых преобразований локальным условиям, но и ориентирует в рамках разрешения социологической проблемы на более адекватное, чем дихотомия «традиция – модерність», объяснение устойчивости подвергаемого реформированию институционального устройства.

Аналитический материал, представленный в настоящей статье, имеет целью путем сопряжения различных концепций, основанных на множественности культурно-исторических форм, и оперирования в рамках социологического теоретизирования методом импликаций выявить роль социокультурного компонента в общественном развитии, определить общие положения методологии преобразования конкретных обществ.

Обращение к специфике социокультурной динамики локальных обществ актуализирует вопрос о детерминирующих общественное развитие факторах, роли детерминант и доминант в процессах социальных изменений.

Многопараметрический анализ истории и современного состояния этого направления в социологическом теоретизировании дан в фундаментальном исследовании П. Штомпки «Социология социальных изменений». Морфогенетической альтернативой системной модели, согласно П. Штомпке, становится всепроникающая динамичность социальной реальности (процессуальность общества, процессуальность структур), и при этом конкретное общество рассматривается как полевая структура, непрерывный процесс, структурированный поток событий в рамках определенного социального поля¹.

В исследовании процессов изменений необходимо определить, что оста-

¹ См. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996, с. 25–26.

ется неизменным. Относительную неизменность через самоподдерживающуюся саморегулирующуюся уникальность отмечали цивилиологи (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби), её доминированием социологи объясняли специфическое институциональное устройство (М. Вебер) и самоидентификацию (С. Хантингтон). «Неизменно-особое» стало основным препятствием практическому осуществлению в XX в. двух утопических конструкторов: построению всемирной социалистической системы и глобального масштаба вестернизированию посредством западнцентристской модернизации.

Современные научные представления о мире сопряжены с понятиями поливариантности, многообразия, отрицается фатальность и телеологическая конечная заданность, признается объективное существование альтернатив и возможность выбора, но выбор этот ограничен. Выделение и более внимательное рассмотрение в социальной динамике порождаемых самоорганизационной составляющей феноменов, изучение структуры как части системного пространства, элементного состава и соответствующих динамических связей поможет понять меру такой ограниченности.

Самоорганизация, согласно классической парадигме социального знания, происходит благодаря тому, что в процессе общения людей в группе возникают социальные регуляторы – «социальные факты» (по Э. Дюркгейму) в виде лидеров, субординации, распределения статусов и ролей, возникновения групповых ценностей и норм, группового мнения, социальных институтов, регулирующих деятельность и поведение людей. Этот набор базовых ценностей охраняется специальным социальным механизмом (по О. Конту) или регулятивной системой (по Г. Спенсеру), обеспечивающей социальный контроль. Относительно устойчивый социум существует при наличии социальных регуляторов в сочетании со сформировавшимися общими базовыми ценностями и соответствующими им социальными нормами, а также социального механизма, воспроизводящего эти ценности и нормы. Истоки же возникновения социальных институтов, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, нужно искать в физической природе человеческих существ. Стремление скоординировать социальную составляющую своей жизни есть антропологическая необходимость для успешного выживания: «Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Человек должен сам классифицировать свои влечения и управлять ими. Эти биологические факторы выступают в качестве необходимых предпосылок создания социального порядка»².

Одной из особенностей институтов является их историчность. Институты не возникают одномоментно, для их создания процесс взаимных типизаций действий социальных акторов должен занять длительное время. Понять сущность конкретного института невозможно без изучения истории, продуктом которой он является. Согласно Э. Дюркгейму генетически общество возникает в результате взаимодействия индивидов, а возникнув, оно начинает жить по

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995, с. 89.

собственным законам. Но любое общество не возникает в безвременье и вакууме, оно организуется в определенном состоянии окружающей среды (климатический фактор), локализуясь в пространственном измерении (географический фактор), обладая первоначальной ресурсной базой. Природные условия отражаются в процессах общественной жизни в основном не непосредственно, а как опосредствованные производством в его специфической общественной форме. Различен и ресурсный потенциал: человеческий (демографический), экономический и научно-технический (технологический). Объединение происходит на основе потребностей, опосредствованно трансформирующихся в систему ценностей, на основе которой с течением времени формируются исторические, культурные и этнические традиции. При этом создается и функционирует политическая структура, которая отражает внутреннее социальное устройство и адекватна существующему геополитическому окружению. Совокупность перечисленных факторов создает генотип, формирует уникальный социокультурный компонент цивилизационной матрицы конкретного общества, задавая алгоритмы его деятельности и являясь инвариантом социально-исторического развития. Цивилизационная матрица предстает как доминантный интеграл социальной, экономической и культурной сфер бытия; как системы взаимосвязанных элементов, формирующих структуру любой цивилизации и обуславливающих ее уникальность, что объясняет многообразие современных обществ и культур. Такое гармоничное целое, образуемое различными элементами культуры, является высшей формой интеграции (по П. Сорокину), и на ее основе возникает социокультурная суперсистема – господствующая система истин, создающая свою философию, своё мировоззрение, свою религию, свою литературу, эстетику, искусство, свою экономику и политику. Возникнув, социокультурная суперсистема получает свою логику развития, эволюционирует по своим внутренним законам. Эти изменения составляют суть социокультурной динамики. Такая социокультурная среда объективно производит габитус (по П. Бурдьё) – систему прочных приобретенных предрасположенностей (диспозиций), которые в дальнейшем используются индивидами как исходные установки, порождающие конкретные социальные практики индивидов, а сами индивиды трактуются как носители упорядоченных, типичных наборов практических действий.

Присущий определенной социальной системе массовый психотип сформирован, и он необыкновенно устойчив. Определения сущности национального характера, размышления о влиянии природно-климатических условий и политических факторов на особенности характера народов, наблюдения за проявлением национальной специфики в особенностях социальной жизни и культурном творчестве наций и народов, первый опыт компаративистики – сравнения характера различных народов приведены в работах Ш. Монтескье, Д. Юма, И. Гердера, И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля, В. Вундта, Г. Лебона. В XX в. исследование теоретических и методологических проблем национального характера и национального менталитета получает широкое распространение в различных областях научного знания. Работы Х. Ортеги-и-Гассета, Э.

Фромма, Г. Гарфинкеля, Ю. Бромлея, А. Здравомыслова, И. Кона, Г. Андреевой, Д. Филда показывают значение национальной специфики в жизнедеятельности народов и дают методологический базис для исследования сущности и своеобразия национальных менталитетов.

С одной стороны, менталитет, являясь отражением специфики социокультурной среды, социально детерминирован и подвержен влиянию социальных изменений. Но скорость его изменений несоизмерима с разовым внедрением инновационной технологии или одноактной сменой «де-юре» форм собственности в хозяйственном укладе. Менталитет определяется как мировоззренческая матрица, картина мира в сознании человека и его вписанность в эту картину, норма представления мира вокруг себя и себя в нём; это глубинные структуры культуры, исторически и социально укорененные в сознании и поведении многих поколений людей, объединяющие в себе различные исторические эпохи в развитии конкретного общества. Таким образом, с другой стороны, менталитет сам задает алгоритмы и вектор процесса социокультурной динамики, определяет умонастроение, жизненную позицию и стереотипы поведения, обеспечивает связь времен и преемственность поколений. Прошлое входит составной частью в настоящее и будущее, проявляется и существует в них в неявном виде. «Индивид не столько мыслит сам, сколько актуализирует в себе опыт прошлых поколений, цитирует их социальный опыт мышления. Он как бы мыслит заново уже помысленное до него»³.

Социокультурные регулятивные механизмы менталитета составляют логику культурно-исторического развития, цивилизационный алгоритм культуры. Одни из механизмов используют внешние воздействия, а другие предохраняют от воздействий, которые система переработать не в состоянии. Единая система культурных ценностей является своеобразным аттрактором в преодолении экзогенного воздействия. С особенностями менталитета так или иначе связаны социальные представления и возможные, а тем более свершившиеся варианты социальных действий. В свою очередь, структурированность социального действия с вертикальной взаимосвязью всех уровней дает основания говорить о невозможности спонтанности и маргинальности социальных действий, которые в отличие от рефлексивных и инстинктивных действий осознанны априори. Если представить себе, например, двух отдельных друг от друга субъектов, один из которых пытается сознательно воздействовать на другого, то даже отсутствие социального окружения не избавит их от необходимости учитывать культурные нормы прежнего социального опыта. Следовательно, от оценок исторического выбора прошлого в историческом сознании современников зависит их поиск вариантов будущего развития, поскольку прошлое инкорпорировано в субъекты действия, составляя их бессознательное. Механизм социального действия осуществляется в пределах определенного контакта, и контакта не только пространственного и временного, но и контакта с точки зрения ценностных отношений.

В. Ядов показал, что высшие уровни диспозиционной иерархии (жизнен-

³ **Московичи С.** Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М., 1996, с. 98.

ные устремления и ценностные приоритеты) так или иначе регулируют социальное поведение в долгосрочной перспективе, и в конкретных жизненных обстоятельствах социальное поведение может существенно корректироваться этими обстоятельствами⁴. Этим и определяется социокультурная уникальность различных обществ, а также объясняется возникновение противоположной тенденции, все более проявляющейся знаково по мере глобализации всех стилей жизни, – борьбы за сохранение уникальности национальных культур. Прежде всего, именно уникальная культура, по мнению А. Назаретяна, выступает негэнтропийным источником локальной социальной системы⁵. Конкретное общество, таким образом, имеет принципиальное отличие благодаря уникальному социокультурному компоненту, который является ядром институциональной матрицы и дефинирует её свойства, формирует своеобразный менталитет индивидов – сограждан общества, в свою очередь, определяющий особенности поведенческих практик как исполнения алгоритма нормативных установок.

К. Поланьи, изучая формирование индустриального общества в Западной Европе нового времени, предложил принципиально новый подход к осмыслению теории экономических систем, создав институциональную концепцию, критикующую представления об универсальном характере рыночных отношений и ставящую их в зависимость от социально-экономических изменений, прежде всего социальных институтов от исторически пройденного пути⁶. Расценивая протекционизм как проявление стихийных мер общества по своей защите, К. Поланьи не воспринимал экономику как изолированное от других общественных сфер явление, он считал, что она пребывает в неразрывной связи с другими сферами. Условное разделение общества на четыре сферы – экономическую, социальную, политическую и духовную – определяет его как сложное структурированное целое. Взаимосвязь и взаимодействие элементов (подсистем) социальной системы вновь актуализирует оперирование такими отвергаемыми постмодернистским дискурсом категориями, как детерминанты, доминанты, варианты, инварианты.

Неприемлемость апологетики отнюдь не означает утверждение волюнтаризма в социальной жизни и субъективизма в научном анализе. По нашему глубокому убеждению, материалистическое понимание истории не потеряло свое парадигмальное значение, а созданные К. Марксом категории адекватно отражают современную объективную реальность, современные общественные отношения, включая напряженность между трудом и капиталом, и сохраняют в себе весомый элемент абсолютного знания. Критика положений марксизма вполне обоснована в части доминантной роли экономического императива – возведенный в абсолют экономический детерминизм в подходе к человеку эмпирически обнаружил свою явную ограниченность. Историческая практика

⁴ См. Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // «Мир России», 2010, № 3, с. 48.

⁵ См. Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (синергетика исторического процесса): Курс лекций. М., 1996.

⁶ См. Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

опровергла предположение жесткой однозначной каузальной связи между революционным преобразованием форм собственности и быстрым изменением общественного и индивидуального сознания людей. Последний тезис в равной мере относится и к попыткам западнцентристского переустройства обществ, не принадлежащих по социокультурным и иным признакам к «эталонной» цивилизации. Немаловажной выявилась роль неэкономических факторов, совокупность которых вариативна для различных обществ и инвариантна для конкретного.

А. Саакян, основываясь на концепции артефактного опосредования, приходит к выводу: «Если прежние ценности и “правила игры” достаточно глубоко укоренились в культуре или, что еще более существенно, опирались при их создании на особенности ментальности, то игнорирование исходного состояния объекта реформирования при любых экономических трансформациях чревато самыми неожиданными последствиями, как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе»⁷. Соответственно социокультурные факторы становятся доминантами в точках перехода-выбора, определяя направление и способ жизнедеятельности социума, и опосредствованно материализуются в хозяйственном укладе, формируя экономический базис общества, который детерминирует общественное развитие (в рамках локальной цивилизации возможно и наблюдаемо формационное развитие). Доминанты и детерминанты находятся в единстве и постоянно взаимодействуют; результатом подобного взаимодействия выступает многовариантность форм существования обществ.

И. Андреев конкретизировал многообразие рамками двух основных паттернов, считая, «что исторически значимы были по крайней мере два пути генезиса государства – социально-деспотический и военно-демократический; что ни один из этих путей не может считаться ни универсальным, ни строго региональным; что противопоставление деспотизма, как якобы типично «восточного» феномена, древней демократии как продукту Запада носит умозрительный, идеологически не безобидный характер, поскольку дает основания “для поиска призрака восточной деспотии в любых (даже современных) формах хозяйственной централизации, государственного планирования и общественной собственности на землю”»⁸. Таким образом, даже в ортодоксальном западнцентристском марксизме особняком стоит концепция азиатского способа производства, по существу констатирующая прямое влияние восточных традиций и психологии на характер и уровень развития производственных отношений.

Зависимость экономического уклада, инновационной направленности экономики и способности к модернизации от типа культуры выводят в своих работах Л. Харрисон и С. Хантингтон, доказывая, что культурная специфика разных стран оказывает влияние на их политическое, социальное и экономическое развитие⁹. Факт детерминации особенностями исторического и куль-

⁷ Саакян А. К. Социальные закономерности становления и развития отношений наёмного труда: автореф. дис.... докт. социол. наук. М., 2007, с. 16.

⁸ Андреев И. Л. Рукописная страница истории марксизма (Проблемы общины и рода в рукописях К. Маркса 70–80-х гг.). М., 1985, с. 191.

⁹ См. Харрисон Л., Хантингтон С. Культура имеет значение: Каким образом

турно-психологического развития соответствующего общества национальной модели рынка нашел отражение в ряде теоретических публикаций об институциональных матрицах и специфике трансформаций постсоветского пространства (М. Ельчанинов, О. Бессонова, Т. Заславская, С. Кирдина, Р. Нуреев, В. Федотова). Фиксируемая исследователями распределительная, редуцирующая (С. Кирдина), рентная (В. Дементьев), раздаточная (О. Бессонова), политарная (Ю. Семенов) экономика суть проявления азиатского способа производства, в котором не рынок, а сдача-раздача – неизменные константы, а иерархическая система – изменяемый компонент. Сторонники такого подхода в экономике основываются на тезисе о том, что всегда и одновременно существовали как рыночные, так и не рыночные экономики. Оба типа зародились в глубокой древности: рыночные экономики взяли за основу межобщинные отношения обмена, в то время как раздаточные – внутриобщинные отношения распределения. Системы хозяйствования обладают определенной гибкостью и степенями свободы, позволяющими им изменяться и принимать разные формы, не нарушаясь в зависимости от знания, интересов и воли политических и хозяйствующих субъектов, от наличия ресурсов и внешних условий. Меняя только исторические формы своих базовых институтов, рыночные и раздаточные экономики в настоящее время продолжают свое поступательное развитие. Согласно С. Кирдиной, в институциональной структуре обществ действуют базовые (доминирующие) и комплементарные (дополнительные) институциональные матрицы. Это означает, что институты рынка сосуществуют с институтами редуцирующей, демократия и федерация – с принципами унитарности и централизации, а субсидиарные личностные ценности в общественном сознании уживаются с ценностями коллективными, коммунитарными. Принципиальное положение теории заключается в том, что история стран характеризуется устойчивым доминированием одной матрицы, и эта доминирующая матрица определяет рамки и пределы действия комплементарных институтов. Доминирование X или Y-матрицы имеет «вечный» характер и определяет социетальный тип общества. Доминирующая матрица означает способ социальной интеграции, найденный социумом в условиях проживания на тех или иных пространствах¹⁰.

Институциональные ядра, состоящие из базовых институтов той или иной стороны институционального архетипа, не меняют своей природы на протяжении всего жизненного цикла. В этом своем качестве они постоянны, устойчивы и неизменны. В то же время они изменяются, но это изменение происходит на уровне форм и связано с отработкой формационных элементов либо касается только символов. Реформа одной из сфер-подсистем общества не преобразует кардинально всю социетальную систему. Последняя сохраняет интегральное качество и логику собственного развития. «В матрицах рыночных институтов заключены особые для каждого общества культурные тради-

ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002.

¹⁰ См. Кирдина С. Г. Моделирование общественных систем на основе теории институциональных матриц // «Возможности теоретического моделирования в познании сложных социальных систем. Материалы научного семинара». М., 2012, выпуск № 3, с. 10.

ции, без поддержки со стороны которых система законов, очерчивающих границы этих институтов, была бы фикцией»¹¹. Однако, если преобразования охватывают большинство подсистем, система может утратить механизмы поддержания институционального порядка и закономерности жизнедеятельности. В таком случае общество рискует не сохранить стабильное состояние и, более того, реформами спровоцировать катастрофу.

Структурно-функциональный подход (Т. Парсонс), выделяет две главные причины изменений в социальных системах: нарушающие равновесие тенденции, которые всегда наличествуют в отношениях между социальной системой и ее окружением, и напряженность, существующая между нормативными и структурными элементами любой социальной системы, соответственно разделяя причины эндогенного и экзогенного характера. Поскольку доминирующая сегодня в общественном сознании точка зрения объясняет трансформации планетарного масштаба естественной рефлексией локальных обществ на сложившуюся в планетарном масштабе новую социальную реальность, то мы в рамках исследования, не акцентируя внимания на изменениях эндогенного характера, вызванных имманентной логикой собственного развития, обратимся к анализу внешнепричинных (экзогенных) изменений.

На то обстоятельство, что масштабные социальные изменения в одной стране оказывают воздействие на другие страны, указывал Р. Бендикс, отмечая вместе с тем, что любая страна, оказавшись в новой исторической ситуации, если не копировала, то испытывала сильное влияние существующих образцов изменений, при этом в каждом случае процессы межцивилизационных социокультурных взаимодействий обладают специфическими чертами, обусловленными историко-культурными особенностями региона, а исторически сложившиеся социальные структуры даже в кризисных ситуациях оказываются чрезвычайно устойчивыми и с трудом поддаются разрушению¹². С ним солидарен Р. Коллинз: «История, отмечал Дюркгейм, должна быть микроскопом социологии. Он имел в виду не то, что история должна увеличивать малое, но то, что она должна быть инструментом, с помощью которого обнаруживаются структуры, не видимые невооруженным глазом»¹³. М. Ельчанинов, справедливо полагая, что социальная синергетика адекватно исследует бифуркационный процесс, но недостаточно ясно описывает и объясняет структурные аспекты социетальной динамики в контексте длительной временной протяженности, методологическим инструментом, применимым к исследованию стабильного состояния социума, считает концепцию трансисторических структур, дезорганизация или разрушение которых обуславливает движение кризисного социума по бифуркационному

¹¹ **Грей Дж.** Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. М., 2003, с. 113–114.

¹² См. **Масловский М.В.** Современные теории модерна и модернизации // «Социологический журнал», 2008, № 2, с. 34.

¹³ **Коллинз Р.** Золотой век макроисторической социологии // «Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций». Выпуск 1: Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000, с. 72.

сценарию¹⁴. Согласно Н. Луману аутопойетичная система слагает (пойетирует) себя, выбирая (селектируя) отношения со средой в форме опыта. При этом системы действия всегда воспроизводят действия, а граница системы со средой является основополагающим свойством любой системы, позволяющим ей удерживать себя как таковую¹⁵. Е. Седов высказал гипотезу о том, что существует определенный энтропийный коридор, в котором социальные системы могут развиваться эволюционно. Согласно таким представлениям, уровень системного разнообразия должен колебаться в пределах 20–33%. Такие границы, с одной стороны, обеспечивают способность системы к инновациям, а следовательно и к адаптации в изменившихся условиях, а с другой – позволяют сохранить системную целостность¹⁶. Результаты подобных исследований дают почву для размышлений о пределах возможностей социального творчества и о необходимости знания запретов на некоторые социальные действия, потенциально содержащие в себе возможность катастрофических последствий. Следовательно, в силу различия форм политических проявлений, полиморфизма социально-экономической жизни и мультикультурности социумов должны существовать значительные ограничения в использовании исторического опыта других обществ и транслирования этого опыта в массы. Без выделения элементов «несовместимости» оптимальное использование иного опыта, в том числе и в сфере социального управления, представляется невозможным.

Изучение практик социального управления в рамках исторической социологии, реализующей фундаментальную методологическую позицию социологии – компаративность в темпоральном измерении, доказывает возможность эффективных преобразований общества, имеющих целью улучшение дееспособности и жизнеспособности, не симулирующе-имитационных, но действительных модернизаций, которые элиминируют риски потери национальной самобытности и превращения населения в этнографический материал, выводят страну, прошедшую реформы, в число жизнеспособных и самостоятельно функционирующих сообществ. При этом конструктивные изменения внутрисистемны и происходят в пределах существующего порядка, не уничтожая его основ, несущих институциональных структур.

Проведенный нами компаративный анализ исторических практик социальных изменений, вызванных экзогенным причинным воздействием, позволяет обосновать следующие положения:

- Устойчивость социокультурной компоненты стала отражением общей исторической традиции в решении проблемы цивилизационного взаимодействия: подчинение любых заимствований, даже культурных и духовных, целям и задачам национального существования в истории. Во всех исторических фазах своего взаимодействия с внешним миром культуры-реципиенты сохраняли свой самобытный характер.

¹⁴ См. **Ельчанинов М. С.** Трансгисторические структуры как фактор социетальной динамики России // «Известия Самарского научного центра РАН», 2006.

¹⁵ См. **Луман Н.** Социальные системы. Очерк общей истории. СПб., 2007, с. 29.

¹⁶ См. **Седов Е.** Информационно-энтропийные свойства социальных систем // «Общественные науки и современность», 1993, № 5.

- Данные матричной культуры, запечатленные в сознании людей на уровне их генетической культуры, проявляются как этнокультурные специфические черты, присущие только этому народу и оказывающие влияние на вектор развития общества, определяя способы использования заимствованных фундаментальных открытий, уровень распространения инновационных привнесений, принятие или отторжение культурных новшеств.

- Социокультурная составная константа конкретного общества, будучи системообразующим компонентом, стремится к сохранению гомеостаза, состояния относительной стабильности системы. Социальная модернизация в этом случае выступает как рефлексия социальной системы на экзогенное воздействие. Сохраняя собственное матричное ядро, система проводит парциальную (фрагментарную), частичную модернизацию, т.е. коррекцию определенных параметров, в которых имеется отставание, с целью повышения собственной стойкости и жизнеспособности¹⁷.

Следовательно, проблема современных социальных изменений состоит не в поиске вектора развития, не в смене самоидентификации, не в приобщении к цивилизации – «эталону» с привнесением нежизнеспособных в иной среде заимствованных институций, а в способностях локальных цивилизаций адаптироваться к условиям новой социальной реальности – насущные преобразования укладываются в рамки формационных изменений в связи со сменой технологического уклада, основанного на капитале интеллектуальном, с соответствующими условиями для его продуктивного функционирования.

В русле логики именно этих социальных изменений и должны были быть осуществлены реформы обществ постсоветского пространства, унаследовавших значительный производственно-технический и интеллектуально-технологический потенциал. Необходимыми действиями представляли демократизация общества, меритократизация управления, структурная и технологическая перестройка экономики.

Однако был избран курс глубокого разрыва с системой социального знания, а вектор изменений кардинально противоречил базовым интересам и ценностям большинства населения. Предложенная обществу и осуществленная властной элитой модель преобразований «была ориентирована не на технологические и демократические достижения Запада, а на перераспределение собственности в частных интересах и на его консьюмеристскую структуру. Поэтому под флагом модернизации произошла демодернизация, возврат к ранним формам капитализма, натурализация, рефеодализация в способах производства и человеческих отношений»¹⁸. Впервые в истории в большой промышленно развитой стране проведены реформы по деиндустриализации и пресечению ее научно-технического развития.

Сама невозможность верификации программы преобразования общества в начальный момент её осуществления обусловила социальное мифотворчество, манипуляцию массовым сознанием, что позволило властям объяснять

¹⁷ См. **Погосян В. Г.** Социальная модернизация: стратегия выживания. М., 2009.

¹⁸ «Социальные знания и социальные изменения». М., 2001. с. 234.

продолжительность и неудачи реформ поиском вектора собственного развития и необходимостью периода первоначального накопления. Избегая полемики с пропагандистскими идеологами в рамках научного исследования, считаем, однако, необходимым заметить, что период первоначального накопления капитала (в категориях науки – отделение работников от средств производства, превращение их в наемную рабочую силу) имел в евразийском пространстве место с 1861-го по 1936 г., а вектор развития каждого общества уже определен социокультурным компонентом цивилизационной матрицы, выступающим в качестве инварианта.

На постсоветском пространстве (за исключением стран Балтии) бифуркация 1990-х предстала как неустойчивая конфигурация конкурирующих альтернатив. В итоге общество с доминированием институтов X-матрицы, реализовало одну из альтернатив, экстраполируя собственный опыт на современность, воспроизвело устойчивые институциональные константы – вертикаль бюрократической власти и соответствующий уклад экономики. Собираясь с конкретно-историческими условиями и воздействием случайных и целенаправленно действующих факторов, общество самоорганизовалось в рамках присущей ему цивилизационной амплитуды, предсказуемо воссоздав привычный уклад жизнедеятельности. Была ликвидирована лишь советская идеология, тогда как методология управления сохранилась. Генотип системы хозяйствования не изменился, поскольку экономика есть ключевая, однако все же часть более широкой и сложной системы жизнеустройства. Но произошла смена бенефициариев – в постсоветских странах (кроме Белоруссии, сохранившей в основном функциональные свойства действовавшей до того системы) произошло перераспределение общественных ресурсов и государственных монопольных функций между кланами бюрократической номенклатуры, преследующими собственнические узкокорыстные цели. Соответственно суть постсоветских реформ в экономической сфере свелась в основном к экспроприации доходов государства в пользу кучки частных лиц. Создались такие условия, при которых не инновации становятся основным источником максимизации индивидуального дохода, а избыток частной власти, сформированной на основе произвола: административной и экономической власти государственных чиновников, власти менеджмента, монопольной власти, власти криминала. Происходит не добровольный рыночный обмен ресурсами, а принудительное (под угрозой насилия) перераспределение ресурсов объекта власти в пользу ее субъекта, что создает условия получения таких индивидуальных доходов, размеры и формы которых выходят за рамки экономической эффективности и целесообразности.

Опыт всемирной социальной истории позволяет выявить примеры волюнтаризма в системе государственного управления, заканчивавшиеся охлократической реакцией, предостерегая от попыток реформистского конструирования социальной среды без учета ее собственных внутренних эволюционных тенденций. «Институты, не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнутыми теми

народами, которым они навязаны»¹⁹.

Либеральная парадигма демонстрирует свою эффективность, в сущности, только в пределах современной западной цивилизации, но отнюдь не в Китае, странах Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Африки, мусульманском мире. Попытки построить либерально-демократический капитализм западного образца (с транспарентными правилами рынка, конкуренцией, легитимностью и легальностью частной собственности, инновационной направленностью экономики) с присущим ему образом жизни в постсоветских обществах, соорганизованных и функционирующих на принципиально иных социокультурных основаниях, в течение 25 лет успехом не увенчались, поскольку реализуемая доктрина содержала фундаментальные ошибки, а сама идея теоретически ошибочна и несостоятельна изначально. Речь в данном случае идет не о парадигмальной ценности создания системы «оправдывающего» знания, поддерживающей определенную или существующую линию развития, а об исследовательской парадигме науки, о социальной науке без идеологем, диагностирующей и констатирующей. «История как бы насмехается над действиями тех реформаторов, которые пытаются сконструировать в социальной среде нечто, не отвечающее ее природе, навязать среде путь эволюции без учета ее собственных внутренних эволюционных тенденций. В таких случаях общество попадает в “капкан истории”, приходит к труднопоправимому кризисному состоянию»²⁰.

Аналитический материал, приведенный выше, позволяет сформулировать следующие выводы:

- В практике ревизий институциональной сферы необходимо ясное понимание пределов реформаторских возможностей и важности принципиального разграничения мобильных, изменчивых общественных форм, постоянно совершенствующихся и воплощающих многообразие творимой человеком реальности (заимствованных и создаваемых социальных конструктов и институций, адаптируемых и дееспособных в локальной среде), и инвариантов общественного развития, т. е. исторически устойчивых и постоянно воспроизводящихся социальных отношений, обеспечивающих целостность общества и его развитие как социальной системы, задающих направления и естественные ограничения его эволюции.

- Самоорганизация социальной системы происходит в соответствии с алгоритмами цивилизационной матрицы, проявляясь в регуляторной функции устойчивых социальных структур, препятствующих катастрофическим последствиям энтропийных флуктуаций, и ценностно-рациональных константах общественного сознания.

- Развитие социальной системы нетелеологично и поливариантно, но возможен не любой путь эволюции системы, а лишь определенный спектр этих путей, и этот спектр альтернатив общественного развития ограничивается рам-

¹⁹ **Иноземцев В. Л.** Френсис Фукуяма. Америка на перепутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие // «Вопросы философии», 2006, № 8, с. 184.

²⁰ **Князева Н. Е., Курдюмов С. П.** Синергетика: начала нелинейного мышления // «Общественные науки и современность», 1993, № 2, с. 39.

ками амплитуды, обуславливаемой социокультурным компонентом, сложившимся исторически и определяющим инвариантные признаки конкретного общества, не зависящие от пространственно-временных форм его существования.

На основе корректных методологических импликаций автор делает вывод о том, что амплитуда общественного развития обусловлена инвариантным социальным устройством, задаваемым институциональной матрицей и имманентным ей способом производства, а конструктивные изменения могут быть только внутрисистемными, что актуализирует вопрос о необходимости определенных ограничений в модернизационной практике.

Ключевые слова: *детерминизм, доминанта, социокультурный компонент, институциональная матрица, модернизация, инвариантность, азиатский способ производства*

ՎԱՐԴԳԵՍ ՊՈՂՈՍՅԱՆ – Սոցիալական զարգացման դոմինանտների և դետերմինանտների հիմնախնդիրը – Վերլուծության ենթարկելով արդիականացման գործընթացները հեղինակը եզրակացնում է, որ սոցիալական զարգացման տատանման սահմանները պայմանավորված են ինվարիանտային սոցիալական կառուցվածքով: Սոցիալական կառուցվածքը համապատասխանում է ինստիտուցիոնալ մատրիցին և իրեն բնորոշ արտադրության մշտական եղանակին: Ըստ այդմ կառուցվածքային դրական փոփոխությունները կարող են լինել միայն իշխող համակարգի սահմաններում: Արդիականացման գործընթացում այդ հանգամանքը առաջացնում է համապատասխան սահմանափակումների անհրաժեշտություն:

Բանալի բառեր – *դետերմինիզմ, դոմինանտ, սոցիոմշակույթային բաղադրիչ, ինստիտուցիոնալ մատրից, արդիականացում, ինվարիանտություն, սոցիալական արտադրանակ*

VARDGES POGOSYAN – On the Problem of Dominants and Determinants of Social Development. – On the basis of a correct methodological implications the author makes a conclusion that the amplitude of the social development due to the invariant social structure, based on institutional matrix and the immanent mode of production, and that structural changes can be the only intrasystem which actualizes the question of the necessity of certain restrictions in the modernization practice.

Keywords: *determinism, the dominants, socio-cultural component, institutional matrix, modernization, invariance, the Asian mode of production*